

Е. Ю. Талалаева

Тамбов (Россия), ТГУ им. Г. Р. Державина

ПРОБЛЕМА НЕПЕРЕВОДИМОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА С ПОЗИЦИИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В данном исследовании проведен анализ проблемы непереводимости поэтического текста, получившей глубокое обоснование в философско-герменевтической системе немецкого философа Ханса-Георга Гадамера. На основе его суждений автором статьи формируется конструктивная аргументация, доказывающая, что в силу присущей поэтическому тексту специфики констатируется невозможность полноценного адекватного перевода стихотворного произведения с одного языка на другой. Ключевое значение в рамках представленной работы отводится «герметичности» текста, которая представляет собой особую характеристику поэтического языка, которая позволяет сохранять смысловое единство оригинального текста и поддерживать равновесие уникального баланса звучания и формы стихотворного произведения.

Проблема адекватного перевода текста с одного языка на другой в современном научном мире по-прежнему не теряет своей актуальности. Если обратиться к мнению одного из ведущих мировых специалистов по переводоведению – американского переводчика Лоуренса Винути, то можно представить перевод как ключевую гуманистическую задачу не только благодаря его способности вдохнуть новую жизнь в литературное произведение, но и за счет появления значительного разнообразия форм и значений исходного текста [1, р. 1]. С одной стороны, такой подход позволяет существенно обогатить язык, однако, с другой стороны, это создает для переводчиков трудновыполнимую задачу адекватной передачи оригинальной идеи, изначально вложенной в текст его автором. Как заметил выдающийся философ XX века и основатель философской герменевтики Ханс-Георг Гадамер: «Настоящее бедствие перевода в том, что единство замысла, заключенное в предложении, невозможно передать путем простой замены его членов соответствующими членами предложения другого

языка, и переведенные книги представляют собой обычно настоящие чудища, это набор букв, из которых вынули дух» [2, с. 59]. Немецкий мыслитель отстаивал мнение, согласно которому присущие языку уникальные черты блекнут или вовсе исчезают в процессе перевода. Слова в тексте имеют между собой прочную обоюдную взаимосвязь: одно слово способно пробудить смысл другого, вплетая его в единый речевой поток. Даже виртуозно переведённое предложение с одного языка на другой в конечном итоге предстаёт как «карта в сравнении с ландшафтом» [Там же]. Несмотря на то, что общий контекст может придать слову определённое значение, соответствующее его употреблению в единой структуре текста, это вовсе не исключает изначальной многозначности, присущей данному слову.

Язык функционирует в свете повседневной деятельности человека, которая представляет собой универсальное пространство для реализации процесса понимания на практике. При этом значение выраженного на языке в значительной степени определяется специфическим субъективным содержанием, которым его наделяет автор. Очевидно, что субъективные аспекты, сопутствующие процессу созданию текста оказывают существенное влияние на последующее понимание текста. В этом плане контрастивная лингвистика представляет для теории перевода широкий диапазон средств и методов выявления грамматических и стилистических особенностей текста при его переводе на другой язык. Последующая интерпретация переведенного текста является специфической герменевтической задачей, которая в первую очередь стоит перед переводчиком. В ходе решения этой задачи переводчику не просто необходимо придать значение переведенным словам в соответствии с оригинальной задумкой автора, ему предстоит заново воплотить жизнь изначально данный текст уже на языке перевода, сохранив все присущие ему нюансы. При этом переводчик в той или иной степени раскрывает собственный герменевтический горизонт, который составляют его идеи и взгляды. Герменевтический горизонт переводчика неминуемо оказывает влияние на процесс перевода. Гадамер утверждает, что в процессе перевода переводчику невозможно избежать вмешательства в формирование значения текста со стороны собственных мыслей или идей, поскольку без этого прояснить смысл текста не представлялось бы возможным [3, р. 397].

Наиболее очевидно проблема перевода с одного языка на другой проявляется в поэзии, где взаимосвязь слова с контекстом приобретает жесткую и принципиальную форму. Согласно философско-герменевтическому подходу Гадамера, поэзия онтологически отличается от повседневной речи. Если слово обыденного языка обретает свое конкретное смысловое наполнение преимущественно в контексте некой ситуации, то поэтическое слово имеет устойчивый смысл вне какого-либо контекста. Интерпретационные возможности в отношении обыденного текста имеют довольно широкий горизонт, однако повседневная речь зачастую утрачивает со временем собственную ценность и значение слов. Подобно тому, как французский поэт Поль Валери приравнивал обыденное слово к денежной банкноте, не обладающей самостоятельной ценностью и лишь отсылающей к другим вещам [4, с. 405], повседневные высказывания являются не более, чем «переходным моментом к содержанию сказанного» [2, с. 117]. Совершенно иная ситуация складывается, когда мы начинаем рассматривать поэтическое слово. Сопоставив обыденный язык с бумажным денежным обращением, Валери иносказательно отвел поэтическому слову роль золотой монеты, которая действительно обладает той ценностью, которую она призвана символи-

зирать. Ответом на вопрос об основании столь явного существенного различия между двумя формами языка может служить введенное Гадамером в научный оборот философско-герменевтическая концепция герметичности поэтического языка.

Поэзия наиболее приближена к идеальному образу языка, так как слово поэтического текста является «замкнутым» на себя, т.е. оно не открыто для вольной интерпретации вне основного контекста стихотворного произведения. Кроме того, смысловое содержание поэзии находится в неразрывной связи со звучанием его языкового выражения. Предельной формой языка немецкий философ считал лирическое стихотворение именно потому, что оно наиболее отчетливо отображает в себе неразрывность между материальностью (т.е. формой и звучанием слова) и смыслом. Герметичность такого текста, делающая его непрозрачным для повседневной речи, является залогом смыслового единства стихотворного произведения, защищая целостность и неизменность изначального замысла. Особое место при этом мы по праву можем отвести музыкальности языка. Чем ближе поэтическое слово расположено к идеальному языковому образу, тем более высоким уровнем музыкальности оно будет наделено. Именно музыкальность поэзии создает уникальное равновесие между звучанием языка и выражением его смысла. Гадамер особо подчеркивал: «Поэтическая конструкция строится как постоянно обыгрываемое равновесие звучания и смысла» [2, с. 120]. Следовательно, конструкция поэтических предложений предполагает гармоничную взаимосвязь всех ее отдельных элементов, которые в совокупности должны представить язык в его чистой форме. Возможно, именно поэтому знаменитый немецкий поэт Фридрих Гёльдерлин высказался о поэзии как об «опаснейшем из всех благ» [5, с. 10], учитывая всю тяжесть груза ответственности, которую поэт принимает на себя на добровольной основе. Рассуждения о поэзии как о чистом языке выводят проблему непереводимости поэтического текста на принципиально новый уровень.

Обозначенное выше единство звучания (музыкальности) поэтического текста и его смысла глубоко коренится в том языке, на котором его создавал автор. Возможно ли при этом перенести стихотворное произведение на почву другого языка без нанесения очевидного урона его смысловой целостности и музыкальной гармонии? Если мы принимаем во внимание тот факт, что завершённое стихотворение представляет собой неразрывное переплетение звука и значения всех слов, то легко представить, как даже самое минимальное внесенное в текст изменение может повлечь за собой разрушение сложившейся системы. Таким образом, мы приходим к заключению о невозможности замены одного языка на другой в отношении стихотворного произведения. Даже при условии адекватной передачи смысла слов неминуемо будет причинен явный ущерб поэтичности текста, составляющей единое целое со смысловым контентом. Такой подход, с точки зрения философской науки, показывает несостоятельность «идеи субстанции» в отношении поэтического текста, заключающейся в возможности замещения одного высказывания другим. По этому поводу Гадамер выразил следующее мнение: «Замещаемость, на мой взгляд, противоречит индивидуализирующей стороне языкового события вообще» [2, с. 64]. Здесь следует прояснить два момента. Прежде всего, в рамках герменевтической философии любое языковое проявление представляет собой свершение герменевтического опыта, тогда как лирическое стихотворение считается предельной формой этого опыта. Кроме того, приравнивая поэзию к идеальному (чистому)

языку, Гадамер отстаивает положение о его индивидуализации, представляющую собой непреложную оригинальность поэтического произведения. Таким образом, вследствие замещения одного языкового выражения другим в едином текстуальном пространстве происходит нарушение уникальной динамичной взаимосвязи слов, на основе которых формируется звуковой и смысловой баланс поэтического языка. Именно этот баланс позволяет говорить о поэзии, как о «языке в изначальном смысле» [6, р. 106], который обладает только ему присущей самоценностью.

Изложенная выше философско-герменевтическая концепция Гадамера о герметичности и самоценности поэтического языка во многом созвучна с аналитической позицией австрийского философа Людвиг Витгенштейна в отношении молчания и невыразимости на языке иносказательного стихотворного произведения, где «ни одно слово не подразумевает того, что оно значит» [2, с. 122]. В своей ранней философии Л. Витгенштейн нигде обособленно не выделяет поэтический язык, так как согласно его оригинальному видению, изложенному в логико-философском трактате [7], поэзия выходит за рамки осмысленных высказываний, отображающих истинное положение дел в мире. Из этого следует, что поэтический текст, не отображая в структуре своих предложений конкретных фактов мира, по сути является невыразимым на языке. Знаменитый седьмой тезис трактата, завершающий фундаментальный труд Л. Витгенштейна, гласит: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать» [Там же, с. 73]. Специфика понимания Витгенштейном такого молчания заключается в том, что его характеризует не отсутствие звука или лишенное смысла безмолвие, но отсутствие осмысленного произнесения слов вслух, т.е. отсутствие логически правильного говорения. Следовательно, все то, что остается за границами логически правильных высказываний на языке (отображающих факты мира в своей структуре), должно принадлежать сфере молчания. Поэтический язык, согласно философской мысли Витгенштейна, должен оставаться в молчании, которое занимает приоритетное положение по отношению к говорению и способно сохранить всю полноту смысла, заложенного в поэтическом произведении. Несмотря на то, что поэтическое высказывание не отображает существующего в мире факта, поэтическое слово не уподобляется денежной банкноте, отсылая к некой реальной ценности, находящейся в другом месте. Скорее, поэзия таким образом раскрывает собственную самоценность.

Постепенно все наши рассуждения сводятся к мысли о непереводаемости поэзии как таковой. Однако специфика данного исследования обозначена границами философской герменевтики. Справедливо возникает вопрос, как герменевтика, изначально подразумевающая под собой определенное сопоставление двух языков и нахождение равных эквивалентов перевода лингвистических значений в рамках разных языковых систем, ставит перед исследователем неразрешимость проблемы перевода. Чтобы несколько прояснить сложившуюся ситуацию, следует отметить, что в основе процесса перевода заложен феномен понимания. Понимание в контексте философской герменевтики заложено в качестве предварительного условия для переводческого акта. Только когда переводчик четко уясняет смысл, заложенный в подлежащий переводу текст, он обретает способность заново выстроить его, но уже в среде другого языка. В этом случае мы можем констатировать, что «чужое и собственное сливаются в новом облике» [2, с. 71]. И если стихотворение сохраняет возможность в общих

чертах оставить своей прежний смысл, то его форма и звучание неминуемо обретут иной вид. Изначально находясь в сопряжении с определенной мироконструкцией, поэтическое произведение в той или иной мере утрачивает свои прежние черты, но приобретает взамен новые. Следовательно, происходит не замещение в поэтическом тексте отдельных выражений, но замена всего произведения в целом.

Исходя из проведенного анализа вопроса о переводе поэтического текста на другой язык, мы приходим к выводу о принципиальной непереводаемости поэзии. Уникальность поэзии заключается в тесном переплетении звучания и формы стихотворного произведения, что делает его герметичным, т.е. непроницаемым для истолкования с позиции обыденного языка и сохраняющим смысловое единство текста вне времени и ситуации его использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Untranslatability Goes Global* / eds. : S. J. Levine, K. Lateef-Jan. – London : Taylor & Francis, 2017. – 174 p.
2. *Гадамер, Х.-Г.* Актуальность прекрасного : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер. – М. : Искусство, 1991. – 368 с.
3. *Gadamer, H.-G.* *Truth and Method* / H.-G. Gadamer ; transl.: J. Weinsheimer, D. G. Marshall. – 2nd rev. ed. – N. Y. : Continuum, 2000. – 601 p.
4. *Валери, П.* Вопросы поэзии // Об искусстве. – М. : Искусство, 1993. – 623 с.
5. *Хайдеггер, М.* О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Трагль / М. Хайдеггер. – М. : Водолей, 2017. – 240 с.
6. *Gadamer, H.-G.* *On the Contribution of Poetry to the Search for Truth // The Relevance of the Beautiful and Other Essays* / H.-G. Gadamer. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986. – P. 105–115.
7. *Витгенштейн, Л.* Философские исследования : пер. с англ. / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. I. – 612 с.

The paper analyses the problem of translating a poetic text from the position of hermeneutical philosophy. The author offers a constructive argumentation of the untranslatability of poetry into other languages, which based on the system of philosophical views of the German thinker Hans-Georg Gadamer. The study places a special emphasis on the “hermeticism” of the poetic language, which allows maintaining the semantic unity of the original text as well as maintaining a unique balance in the sound and form of the poetic composition.